Почётному гражданину города Железногорска С. П. Кучину

Кто-то из современных больших композиторов сказал, что Иоганн Себастьян Бах обокрал или обобрал — как хотите — в мелодиях всю будущую музыку на пятьсот лет вперёд... А мне вот кажется, что ещё раньше, на заре цивилизации, древние греки в своих мифах и легендах вообще использовали все (!) возможные сюжеты и сценарии развития человечества, как целыми спиралями, так и отдельными их частями. Хотите пример? Извините, если несколько пространный.

Это произошло летом 1943 года на одном из фронтов Великой Отечественной войны, на которой вот уже больше двух лет ломали хребты друг другу два тоталитарных (как мы сейчас легко проговариваем) государства — Германия и СССР.

В расположение нашей 6-й гвардейской армии, в полосу активных боевых действий, прибыла долгожданная бригада артистов из девяти человек, и среди них так горячо любимая солдатами исполнительница русских народных песен Лидия Андреевна Русланова. Первоначальный план трёх концертов — у танкистов, лётчиков и пехотинцев — оказался, и это выяснилось тотчас по приезде в расположение части, изменённым. Прибывшим служителям фронтовых муз предложили отдохнуть после утомительного переезда, а вот Лидию Андреевну и баяниста Комлева сразу же пригласил в своё «хозяйство» командир полка полковник Искромётов, и его персональный «виллис» уже ждал их.

Русланова мгновенно вспылила:

— Что, для него одного, барина, петь приглашает, так надо понимать?!

На что старлей, адъютант полковника, присланный для сопровождения и разрываемый, как известный осёл, чувством глубокого расположения к певице и солидарностью с командиром, примиряюще ответил:

— Да нет, он у нас совсем не барин, но за глаза Интеллигентом подразниваем, больно ума палата.

Езды по июльскому еловому лесу, сквозь сгущающиеся сумерки вечера, до командного пункта было минут семнадцать. Машина в конце дороги нырнула под натянутую

маскировочную сеть и съехала в косо срытый и расширенный в этом месте спуск до самого хода сообщения.

Певицу и баяниста с инструментом сразу же провели в сравнительно просторную, в несколько накатов (передовая — вот она!), землянку со стоящим посередине столом, сверху освещённым тремя аккумуляторными лампами со свитыми в один шнур проводами. За столом, накрытым празднично, хоть и не банкетно, вполне, впрочем, достойно, сидели пять старших офицеров и один капитан, два же подряд места в середине пустовали. Вошедшие поздоровались у входа, проём которого сразу же за ними был задёрнут брезентовой шторой. Все сидящие поднялись, а хозяин, полковник с простым русским лицом, со Звездой Героя на новой, судя по виду, гимнастёрке, вышел к гостям и, приветливо здороваясь с прибывшими, очень по-граждански спросил:

— Как добрались?

Русланова с едва заметным раздражением пожала плечами:

— Как обычно, претензий нет, на войне, чай. Но, вы уж простите, совершенно непонятна отмена концертов, которые были накануне согласованы у командующего армией.

Полковник ответил ровно и доброжелательно:

— Лидия Андреевна и вы, маэстро, садитесь. Табурет для баяна — у стены. Вначале, как принято, небольшой ужин, за которым я объяснюсь, в некотором роде, что эти импровизации — не блажь местного сатрапа, и в армию, наверх, уже доложено, и добро оттуда на использование вашей бригады в иных целях получено.

Повернувшись слегка к брезенту на входе, он позвал ординарца, который, наверное, ждал этого, потому что сразу же вошёл, неся два влажных полотенца на правой руке и два сухих на левой. Закончив армейский ритуал «мытья» рук, гости подсели к столу.

Искромётов, не садясь, взял наполненный на четверть водкой стакан и, придав лицу некую официальность, произнёс стандартный, краткий, но единственно уместный на войне тост:

— За Родину, за Сталина и за нашу победу, товарищи!

А затем, убавив торжественности и глядя в глаза гостье, добавил с каким-то одному ему известным значением:

— И за ту удачу, которая, надеюсь, явилась к нам в вашем лице.

Все выпили, а Русланова слегка пригубила. Полковник, уже сидя, продолжил:

— Прошу всех отужинать чем Бог послал, и плотно: предстоит продолжительная работа, может быть, до самого утра. Теперь вниманию гостей. Дорогая наша всенародная певунья, Лидия

Андреевна, сегодня ночью на этом участке фронта начнётся разведывательно-войсковая операция, в которой вы должны сыграть одну из главных ролей. Мне так кажется, что подобное ещё не описано ни в одном учебнике по военной тактике боевых действий и приёмов. Лично вам предстоит делать то, что вы умеете лучше всех,— петь. И петь перед микрофоном, трансляция с которого будет двойная: на наши боевые порядки и за линию фронта — на немцев. Мы ожидаем, скажу прямо, некоторой парализации противника в плане снижения, на время действия на него ваших песенных чар, внимания, адекватности нашим действиям, уменьшения плотности стрелкового и орудийного огня, а может, и вовсе — прекращения. План наших боевых мероприятий составлен и утверждён; даже исполнение половины их было бы большим успехом. Все принимающие участие в операции подразделения уже готовы к выполнению доведенных до них приказов и ждут условного сигнала — вашей песни «Светит месяц».

Русланова внимательно, не притрагиваясь к еде, слушала речи, как стало понятно, далеко не тамады и в душе поражалась такому неожиданному и неостановимому потоку событий, в котором ей отводилась участь отнюдь не щепки, а волны, несущей на себе эти сумасшедшие планы военных людей, к которым она ехала как бы с обычным своим делом — петь, а оказалась посланницей судьбы. Она поняла желание всех присутствующих услышать её мнение.

— Извините, товарищ полковник, но если дело только во мне... в нас с Комлевым,— поправилась певица,— то можно прямо и начинать. Вначале работа, а с устатку и пир слаще. Хотя, если честно, ваша уверенность в моём успехе у немцев гораздо больше моей: Генриха Гейне, Гёте, Шиллера в моём репертуаре нет, а вот «Катюша» им вряд ли понравится...

Кто-то из офицеров, сидящих напротив, спросив разрешения у командира полка, ответил певице:

— По поводу «Катюши», Лидия Андреевна. Фрицам петь её не обязательно. После вашего концерта мы выдадим её в собственном исполнении, причём намерены бисировать даже без просьб, я думаю, ошеломлённых слушателей по ту сторону фронта.

И, фактически успев только закусить после единственного тоста, все дружно покинули стол и, выходя из землянки, разделились на две группы: начальник связи полка капитан Стерех, так он представился, с Руслановой и Комлевым — втроём, и остальные — с Искромётовым, который увёл их на полковой КП.

Лидия Русланова

Первые отправились по короткому ходу сообщения к врытому в землю блиндажу радиотрансляционного пункта. Пробираясь к своей «боевой позиции», Русланова подняла голову и успела разглядеть силуэты чёрных лилий — репродукторов, развешанных на деревьях и направленных раструбами в сторону тыла и фронта. Радиоорудия были изготовлены к бою.

В помещении, подойдя к установленному на штативе микрофону, как хозяйка своего нового рабочего места, она пододвинула вплотную к стойке стул и потом, во время пения (как всегда, только стоя), опускала на его спинку то левую, то правую руку. При отключённой аппаратуре Лидия Андреевна слегка распелась и нашла с аккомпаниатором нужную тональность звучания голоса. Об удобствах баяниста певица позаботилась тоже.

— С Богом, начнём. Мы готовы,— обратилась она к капитану, и Стерех посмотрел на только что подошедшего комиссара полка.

Тот кивнул:

— Включайте внешнюю сеть. Сначала я скажу несколько вступительных слов.

И после щелчков тумблеров, выждав минуту для разогрева радиоламп усилителя, наклонился к микрофону:

— Солдаты, гвардейцы! За ратные подвиги, мужество и образцовый героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, для поддержания высокого патриотического духа в войсках Родина и Политуправление Советской Армии направили к нам гордость нашей страны, знаменитую исполнительницу русских народных песен Лидию Андреевну Русланову, и сейчас она порадует нас с вами своими замечательными песнями.

И, уступая место у микрофона, он жестом как бы пригласил на сцену, к многочисленной фронтовой аудитории, занявшей ложи и партер окопов и траншей, миловидную женщину сорока трёх лет от роду, среднего роста, с царственной осанкой, темнокосую, под прямым пробором, идущим из-под кокошника

туго заплетённых волос, одетую в военную форму — гимнастёрку под пояс с юбкой — и в ладных чёрных сапожках.

Русланова чуть помедлила, как бы переступая какую-то черту, шагнула к микрофону и, незримо для окружающих, но потрясающе осязаемо для слушателей, выбросив из головы поставленную полковником сверхзадачу «охмурить» немцев, распахнула свой бездонный певческий дар и душу навстречу только своим, родным соколикам, к которым и стремилась.

А начала она с песни, по её разумению и наблюдениям, восстанавливающей надсаженные за многие месяцы войны душевные силы бойцов. Песней, отрывающей от земной, жестокой, дыбящейся от взрывов тверди и колышущей их души:

Раскинулось море широко,
И волны бушуют вдали.
Товарищ, мы едем далёко,
Подальше от нашей земли...

Последняя, шуршащая галькой, волна песни отхлынула, и после паузы в несколько секунд, без объявления, как и все последующие, Лидия Андреевна запела свою песню-крестницу, которой дала жизнь на советской довоенной эстраде:

По долинам и по взгорьям
Шла дивизия вперёд,
Чтобы с боем взять Приморье —
Белой армии оплот...

Затем прозвучали «Каховка» и «Орлёнок», и от патриотических она перешла к народным: «Вниз по Волге-реке» и сразу же — «По муромской дорожке стояли три сосны».

Заканчивая эту песню, Русланова краем глаза заметила, как снова вернулся в помещение вышедший сразу после своего выступления комиссар полка. Он быстро прошёл прямо к певице и протянул к её глазам тетрадный лист, на котором крупными печатными буквами карандашом были написаны две фразы и стояла подпись: «Немцы по всей протяжённости линии трансляции концерта прекратили стрельбу. Пойте „Светит месяц“ и продолжайте исполнение дальше. Полковник Искромётов М. М.».

Русская боевая сирена, введшая в сладкое оцепенение противника, легко и коварно, как и до́лжно настоящей сирене, улыбнулась и, наклонившись, шепнула баянисту:

— Начни с переборов к «Светит месяц», а я вступлю позже.

И рассыпались, и зачастили музыкальные коленца к этой исконно русской народной песне, и пошли, пошли,— эхма! — подбоченясь и фертом, притопы и прихлопы к такому родному и знакомому переплясу над частыми ельниками, опушками, пологими холмами и заброшенными полями, заросшими полынью, хвощами, лебедой и другой сорной травой. И расслабились, и распустились морщинки на лицах солдат, повёрнутых к источнику райских звуков и застывших в этих «складках местности».

И приготовились к броску по нейтральной полосе, а затем и в расположение немцев две разведгруппы за языками, позарез потребовавшимися командованию.

А ещё встали и принялись затаптывать окурки сидящие до этого на корточках на дне траншеи шестеро, судя по погонам, рядовых. Шестеро добровольцев из штрафной роты, воевавшей рядом с полком Искромётова, вызвавшиеся корректировать сигнальными ракетами на территории, занятой немцами, артиллерийский и, в том числе, залповый огонь «катюш» по двум батальонам только что поступивших к противнику новых Panzercrig — танков «Тигр» и «Пантера», сосредоточенных, по данным фронтовой разведки, в отрытых убежищах и готовых к, возможно, утренней или дневной атаке.

Артналёт по площадям не давал полной уверенности поражения крупповской бронетехники, поэтому приходилось лезть к немцам прямо в зубы, чтобы организовать абсолютную наводку удара всей стянутой на этом участке фронта тяжёлой артиллерии.

При этом риск разжалованных и осуждённых «штрафников» был предельно велик, и шансов выбраться и вернуться назад из этого, вызванного почти на себя, шквала огня было совсем немного, но только так, «искупив вину кровью», через подвиг, можно было уйти из изгоев и быть переведёнными воевать дальше уже в обычные войска. Но существовал ли у этих споткнувшихся людей выбор вообще?..

Светит месяц, светит ясный,
Светит белая луна...—

запела Русланова, и механизм ожившего мифа, реанимированного полковником, затикал, шевельнулся, неотвратимо подвигая события и поступки людей к тому порядку в будущем, в котором они и должны были произойти.

Песни русской фронтовой сирены пьянили, тешили, утешали слушающих их и русских, и немцев, отстраняя реальный

мир, жизнь с её военным бытом, переводя в состояние упоения настоящей и ожидания следующей порции этого сладкоголосого морфия для души и, по большому счёту, превращая их в подлинных людей, таких, которыми и замыслил нас Создатель.

Лидия Андреевна пела, судя по дошедшим до нашего времени скудным и отрывочным сведениям, непрерывно без малого три часа, как того требовали обстоятельства боевой операции, исполнив, впрочем, только малую часть своего необъятного и великолепного репертуара. Звучали «Липа вековая», «Я на горку шла», «Степь да степь кругом», «Окрасился месяц багрянцем», «Меж высоких хлебов затерялося небогатое наше село», конечно же — «Валенки» и много других известных и любимых русских народных песен. Завершили концерт традиционно «Саратовские страдания».

У этой истории — логический конец, который обрамляет золотым багетом с георгиевской лентой всё сделанное нашей царицей русской песни и советскими солдатами и офицерами в описанном необычном, пусть и локальном, эпизоде Великой Отечественной войны. За успешное и весьма результативное выполнение задания командования с заглавным участием Руслановой Л. А. в сеансе радиогипноза (давайте, наконец, назовём вещи своими именами) певица была заслуженно награждена подлинно боевым орденом Красной Звезды...

Столетие со дня рождения Лидии Андреевны Руслановой, которое мы отмечаем 27 октября 2000 года, даёт нам приятное право к её многочисленным лестным определениям — первой, непревзойденной, народной, гениальной — добавить и метафорический эпитет сирены, явившейся нам на помощь в трудное время войны из глубины веков и древних мифов.

Июнь 2000